СЛОВО В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И СУБСТАНЦИОНАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА

Работа представлена кафедрой русского языка Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.

В статье освещаются вопросы специфики фольклорной лексемы, описывается семантическая структура фольклорного слова, которая обусловливает его многоаспектность и полифункциональность. Внимание акцентируется на особенностях фольклорной коннотации. Субстанциональные свойства фольклорного слова рассматриваются через призму фольклорной картины мира.

Ключевые слова: фольклор, текст, семантика, традиционная культура, коннотация.

M. Serdyuk

WORD IN FOLKLORE TEXTS: SEMANTIC STRUCTURE AND SUBSTANTIVE PROPERTIES

The article is devoted to the peculiarities of a folklore lexeme; the semantic structure of a folklore word, which conditions its multidimensionality and polyfunctionality, is described. Special attention is paid to folklore connotations. Substantial properties of a folklore word are examined through the prism of the folklore world image.

Key words: folklore, text, meaning, traditional culture, connotation.

В работах по исследованию фольклорных текстов в качестве синонимов к слову «фольклор» используются «устное народное творчество», «народное художественное словесное творчество». Эти синонимические замены не только подчеркивают традиционную форму существования фольклорного произведения – устную, но и свидетельствуют о том, что основная нагрузка в фольклорном тексте лежит на слове: «...во-первых, слово в фольклоре является господствующим и определяющим средством и, во-вторых, в силу своей художественной специфичности подлежит историко-фольклорному самостоятельному анализу, разумеется – с возможно более полным учетом его разнообразных связей внесловесного порядка» [12, с. 100].

В связи с этим при осуществлении целостного анализа фольклорного текста возникает необходимость выявления специфики фольклорного слова, особенностей его семантической структуры. В современной лингвофольклористике эта проблема получила достаточно полное освещение на материале различных жанров. В настоящей статье свою задачу мы видим в обобщении корпуса исследований по проблеме специфики фольклорного слова с целью синтезирования имеющихся в лингвофольклористике данных в одно структурированное целое. Кроме того, неко-

торые положения теории семантической структуры фольклорного слова требуют уточнения и дополнения с учетом изучения конкретного материала с позиций как собственно лингвистики, так и лингвофольклористики.

Исследователи языка русского фольклора обращают внимание на неадекватность значения или структуры значений отдельных слов в фольклорном тексте, диалектном и литературном языках. Б. Н. Путилов отмечает: «обычные» слова, которые не утрачивают своего прямого значения, в составе фольклорного текста приобретают дополнительные важные значения, причем это происходит без их метафоризации, без внесения моментов иносказательности [11, с. 22]. Замечание, сделанное исследователем применительно к папуасскому фольклору, оказывается справедливым и для текстов фольклора русского, а следовательно, составляет универсальное свойство фольклорной лексемы в целом. С. Е. Никитина отмечает, что многие слова языка фольклора живут двойной жизнью: как обозначение вещного мира и как символы, знаки напряженного поля традиционных смыслов, актуализирующие часть неосознанных архетипических представлений [6]. П. П. Червинский подчеркивает, что слова в фольклоре по сравнению со словами языка не просто слова значений, они содержат смыслы, зависящие от отношений и свойств традиции [18].

Таким образом, народное творчество предельно лаконично, и за каждым тщательно отобранным в многовековом использовании фольклорным словом стоит обязательное коннотативное содержание. Наши наблюдения позволяют заключить, что коннотативное содержание фольклорной лексемы может определяться как внутритекстовыми связями, и тогда мы можем говорить о «текстовых» наращениях семантики, так и внешними (по отношению к тексту, но не к фольклорному произведению!) факторами, и тогда речь идет о «затекстовом» аспекте значения. Дифференцируем названные понятия.

«Текстовая» коннотация возникает в результате включения элемента в систему и обусловливается структурными свойствами этой системы (в данном случае фольклорным

текстом). Например, в русской волшебной сказке слово «золотой», помимо общеязыковых значений «сделанный из золота» и «цвета золота, блестяще-желтый», реализует добавочные «текстовые» значения, наиболее характерные из которых:

1) «творящий волшебство», «оказывающий помощь»: в сказках эпитет «золотой» часто характеризует помощников (в классификации героев волшебной сказки В. Я. Проппа):

«Раз как-то закинул старик свою сеть, начал тянуть, и показалось ему так тяжело, как доселе никогда не бывало: еле-еле вытянул. Смотрит, а сеть пуста; всегонавсего одна рыбка попалась, зато рыбка не простая — золотая. Взмолилась ему рыбка человечьим голосом...» // Афанасьев. 75. Золотая рыбка.

«Ни мало, ни много пожили они. Пошел Иван Водыч со своими зверями на охоту. Ходил-ходил по лесу, попался ему золотой заяц... Этот заяц золотой попался опять и почти до этого места довел, где брат лежит его» // А. Нечаев и Н. Рыбакова. Иван Водыч и Михаил Водыч.

2) «принадлежащий к иному, волшебному царству», «волшебный, чудесный, необычный»:

У того царя Выслава Андроновича был сад такой богатый, что ни в котором государстве лучше того не было; ...и была у царя одна яблоня любимая, и на этой яблоне росли яблочки все золотые» // Афанасьев. 168. Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке.

В волшебной сказке эпитет «золотой» со значением «принадлежащий к иному, волшебному царству» часто характеризует предметы (в широком смысле этого слова), которые являются объектами поисков героя (свинка золотые рога, уточка золотые рога, коза золотые рога, уточка золотые перышки и др.) или орудием испытания героя (трудные задачи в классификации В. Я. Проппа):

«Повадилась к царю Выславу в сад летать Жар-птица; на ней все перья золотые, а глаза восточному хрусталю подобны... Царь Выслав Андронович весьма крушился о той яблоне, что Жар-птица много яблок с нее

сорвала; почему призвал к себе трех своих сыновей и сказал им: «Дети мои разлюбезные! Кто из вас может поймать в моем саду Жар-птицу?» // Афанасьев. 168. Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке.

«И выросла из них яблонька — да какая! Яблочки на ней висят наливные, листвицы шумят золотые, веточки гнутся серебряные» // А. Нечаев и Н. Рыбакова. Крошечка-Хаврошечка.

По мнению В. Я. Проппа, в сказках о гонимой падчерице (в данном случае «Крошечка – Хаврошечка») «условие царевича жениться только на той, которая сорвет ему плоды с чудесного дерева, «морфологически представляет собой предсвадебную трудную задачу» [10, с. 268].

Необходимо акцентировать внимание на том, что «текстовая» коннотация обусловлена всей системой фольклорного мира и его языка. «Вторичные текстовые» смыслы фольклорных лексем разнообразны, они зависят от жанра произведения, места слова в тексте, семантического окружения.

Понимание «затекстового» аспекта значения фольклорного слова отлично от принятого определения коннотации. «Затекстовая» коннотация имеет «дотекстовый» статус и определяется, «диктуется» фольклорным авантекстом (термин введен в фольклористику С. Ю. Неклюдовым [4, с. 3]), который включает компоненты, принадлежащие традиции, а также культурно-языковую картину мира и мифопоэтическую модель мира определенного жанра. Таким образом, «затекстовая» коннотация включает в себя то, что мы отмечаем за пределами собственно народного творчества. Это прежде всего индивидуально-эмоциональный комплекс, которым сопровождается для человека почти каждое используемое им слово. Помимо того, в фольклорную коннотацию включается так называемый ассоциативный тезаурус [7]. Фольклорная коннотация включает и национальное мировоззрение, и народное мироощущение, и строй образного народного мышления, а потому становление носителя фольклора предполагает не только усвоение круга сюжетов, жанровой специфики, техники создания фольклорных произведений, но и всей коннотации, которую можно назвать условно «фольклорным миром».

Таким образом, источником «затекстовой» коннотации в фольклоре являются те традиционные фольклорные смыслы, которые не рождаются в тексте, они привносятся словом извне, но играют заметную роль в композиции и содержании фольклорного произведения. На наш взгляд, условно «затекстовые» коннотации в фольклоре можно обозначить как семиотические, символические и культурные.

Семиотические коннотации обусловлены тем, что в текстах произведений устного народного творчества слова вербализуют семиотические оппозиции, репрезентируя их положительный или отрицательный член. При этом семиотическая функция может быть основной и трансформировать семантические признаки слова [7; 8]. Приоритетными в построении, например, песенной фольклорной картины мира являются оппозиции «свой – чужой», «чистый – нечистый», которые реализуются через частные оппозиции:

- «свой чужой»: в социальном плане «невеста жених», «невестка свекровь» и др.; в религиозно-этическом плане «свои враги»;
- «чистый нечистый»: ритуально «чистый нечистый», сексуально «чистый нечистый» и др.

Наиболее четко традиционные смыслы проявляются в обрядовых песнях. Напротив, в необрядовой лирике преобладает денотативное значение лексемы [13, с. 78]. Проиллюстрируем сказанное примерами.

В народно-песенных текстах лексемы «река», «ручей», с одной стороны, реализуют свое общеязыковое значение «водоем определенного типа» и используются для введения локальных характеристик предметов, например:

Ты ручей, ты мой ручей!

Ладо ручей!

Бел серебряный!

Как по том ли по ручью

Съезжалися гости

К Сергею на свадьбу...

(Обрядовая поэзия, № 420)

С другой стороны, лексемы «река», «ручей» в народной лирике реализуют традици-

онный смысл «чужой». В приведенном фрагменте свадебной песни это граница между «своим» и «чужим» миром (семья невесты — семья жениха). Здесь на первый план выступают традиционные смыслы (семиотические коннотации), изобразительные функции лексем вторичны, они как бы наслаиваются на семиотическую функцию.

В необрядовой песне объекты локуса часто конкретизируются: «горы Воробьевские», «степь Саратовская» или «Моздокская», например:

Уж ты степь моя, степь Моздокская, Хорошо ль, моя степь, разукрашена? Разукрашена степь большими дорогами, Далеко, широко протянулася... Как по той ли степи ездят там извозчики, Все извозчики, все коломенцы. Да случилась с ними бедушка немалая... (К.-Як., II, № 125)

В текстах подобного типа довлеющим оказывается денотативное значение: лексемы с локальной семантикой выполняют прежде всего описательно-изобразительные функции и используются для введения локальных характеристик предметов, действий — это место, где совершается описанное в песне событие. Однако нельзя отрицать и присутствия традиционных смыслов в семантике этих лексем.

Так, в песнях солдатских, казачьих «горы», «степь» – члены оппозиции «свой – чужой»: они реализуют коннотацию «чужой»; «дорога» – граница между своим и чужим миром. В песнях любовных лексемы «сад», «грушица», помимо денотативного значения «указание на место», реализуют коннотативное семиотическое значение «свой», лексема «лес» реализует денотативное значение «густо засаженная деревьями местность» и коннотативное семиотическое значение «чужой, незащищенный». Как показывает анализ песенного материала, слова с темпоральной семантикой (рассвет, заря, вечер, ночь) также служат в фольклорном тексте не только для обозначения времени суток, но и вносят дополнительные смысловые оттенки: «рассвет», «заря» – «защитное время», «ночь»,

«вечера» – «опасное время». По коннотативному семитическому признаку эти слова образуют оппозиции «чистый – нечистый», «добрый – злой».

Невозможно представить произведения фольклора без символов, в которых косвенно воплотились эстетические идеалы народа. Следовательно, наличие коннотативного символического компонента значения — это тоже одно из важнейших свойств семантической структуры фольклорного слова, например:

Травка-муравка, зеленая моя!
Знать-то мне по травушке не хаживати,
Травки-муравки не таптывати,
На свою любезную не сматривати!

К.-Як., II № 654

В лирических песнях «топтать траву» означает «любить девушку», сватать ее. «Не таптывать травы» — значит «не иметь возможности любить девушку». И далее это разъясняется конкретным содержанием песни: у девушки очень грозные родители, и они ее «не пущают на улицу гулять».

По замечанию М. А. Венгранович, символические образы относятся к традиционным элементам лексического уровня фольклорного текста, они художественно концентрируют традиционный социокультурный опыт и выступают в составе текста в качестве самостоятельного микротекста, восходящего к макротексту фольклорной традиции в целом [2].

Приведем еще один пример:

Ветры мои, ветры, вы буйные ветры! Не можете ли вы, ветры, горы раскачати? Гусли мои, гусли, звончатые гусли! Не можете ли вы, гусли, вдову развеселити? У меня, у вдовушки, четыре кручины, Четыре кручины да пятое горе, Да пятое горе, что нет его боле! Первая кручина — нет ни дров, ни лучины... (Обрядовая поэзия, № 96)

С. Г. Лазутин, анализируя текст данной песни, отмечает: «В приведенной песне поэтические символы выполняют очень важные эмоционально-выразительные, идейнохудожественные функции. Первые четыре строки песни, в которые введены поэтиче-

ские символы печали и горя — ветры, горы и гусли, сразу же придают песне эмоциональную окраску, ярко и сильно выражают горестное настроение, тяжелые душевные переживания героини…» [3, с. 116].

Показательны наблюдения С. М. Толстой, которая акцентирует внимание на наличие у слов в контексте культуры, помимо общеязыковых значений, культурной семантики, которая редко и лишь случайно фиксируется словарями [14, с. 4]. Например, в контексте свадебного обряда, калиной может называться невеста, брачная рубаха невесты со следами крови, песня, исполняемая на свадьбе, и др., но, как правило, присутствует и само растение в виде украшения каравая, части убранства дома невесты, детали ее одежды и др. В известной лирической песне «Калинушка» артефакт «калина» теряет свое «вещное» содержание, свои непосредственные связи с обрядом и становится культурным символом передает психологическое состояние замужней женщины, ее глубокую девичью грусть по прежней жизни в кругу подруг (калина в фольклоре – символ девицы).

Наличие культурного пласта в семантической структуре ключевых слов фольклорного текста подчеркивает такое универсальное свойство фольклорной лексемы, как изофункциональность, т. е. «синонимичность» другим знакам культуры: предметам обряда, атрибутам определенной ситуации и др.

Облигаторным свойством фольклорной лексемы является **предельная обобщенность семантики,** проявляющаяся как на денотативном, так и на коннотативном уровне.

Обобщенность семантики фольклорного слова на денотативном уровне обусловлена характерной для фольклора предельной обобщенностью образов и проявляется в том, что в фольклорном тексте разные слова, объединенные общетематическим значением, могут свободно замещать друг друга и вступать в синонимические отношения.

Так, «море», «озеро», «река» воспринимаются не только как обозначения водоемов определенного типа, но и как обобщающие понятия «воды». Это позволяет им вступать в ассоциативно-синонимические отношения (мо-

ре-река, волны-реки и др.). А. Т. Хроленко определяет это свойство фольклорной лексемы как парадигматичность: поскольку в фольклоре семантика слова шире своего разговорно-бытового «номинала», можно объяснить, почему так широко распространены в народном творчестве ассоциативные сочетания типа «гуси-лебеди», «хлеб-соль», «златосеребро» и др., в которых семантический объем пары больше суммы значений каждого компонента [17, с. 72].

Нужно подчеркнуть, что в народном словесном творчестве обобщенность слова распространяется не только на класс однотипных реалий, но и на совокупность однотипных классов. Таким образом, слова включаются в квазисинонимический ряд, где наряду с полными словарными синонимами оказываются слова, достаточно далекие друг от друга, но встречающиеся рядом и создающие эффект усиления. Подобными свойствами фольклорных слов объясняются многие песенные алогизмы, например:

Уж ты **ель** моя, **елушка,** Зеленая **сосенушка...** (хвойное дерево) (Варганова, № 576)

Соловей мой, **соловеюшко,** Соловей мой молоденький, Отлетная **пташечка,** Рябая **кукушечка**... (птица) (Варганова, № 865)

Обобщенность семантики фольклорного слова на коннотативном уровне обусловлена тем, что между словом и смыслом в фольклоре нет прямых соответствий. Смысл в фольклорном тексте предстает не как значение слов, усложненное, неопределенное и многоплановое, а как отраженный в слове волевой импульс, акт-деяние [15], элемент модели мира [16]. Как отмечает П.П. Червинский, «традиционный смысл — член не одной парадигмы и носитель не одного грамматического значения» [18, с. 16].

При употреблении в контексте происходит конкретизация того или иного традиционного значения. Один и тот же смысл в фольклорном тексте способен передаваться значениями различных лексем. Например, традиционный смысл «свой» может передаваться в народной лирике лексемами «дом», «сад», в сказке на микрокосмическом уровне лексемами «дом», «изба»; смысл «чужой» соответственно лексемами «роща», «лес», «поле» в лирической песне и «лес», «море» в сказке.

Таким образом, можно утверждать, что фольклорное слово является не только знаком понятия или реалии, но и знаком традиционного смысла, вследствие чего обладает исходным *общетематическим* значением, что проявляется в фольклорных текстах как в рамках одного жанра, так и разных жанров.

И. А. Оссовецкий [9] на примере анализа квантитативной лексики убедительно показал, что в семантической структуре фольклорного слова преобладает гиперсема, а видовые значения лексемы частично нейтрализуются, превращаясь в показатели общего инвариантного значения. Основываясь на этом положении, можно заключить, что лексемы «дом», «сад», «изба» в фольклорном тексте объединены гиперсемой «свой», которая является положительным членом универсальной семиотической оппозиции «свой чужой»; а лексемы «море», «роща», «лес» объединены гиперсемой «чужой», которая выступает в качестве отрицательного члена названной оппозиции.

Ученые констатируют, что в фольклорных текстах большинство знаменательных слов ценностно окрашено. Это обусловливает наличие в семантической структуре фольклорного слова особого оценочного компонента, который довольно часто преобладает и даже нейтрализует номинативный. Акцентуация ценностной составляющей в семантической структуре фольклорного слова является требованием жанра фольклора с его нравственной оценкой всего существующего в фольклорном мире. Субъектом языковой оценки в фольклорных текстах является коллективная языковая личность, фольклорный социум: «Семантика фольклорного слова, извлекаемая из семиотических и символических глубин народной культуры, формируется оценивающим и эмоциональным взглядом фольклорного социума на предмет, обозначенный этим словом» [7, с. 38].

Народно-поэтическое слово не только строит фольклорный мир, но и оценивает его. Особенно это показательно в тех случаях, «когда употребление слова в номинативном значении противоречит логике здравого смысла», именно тогда «мы отчетливо видим оценочный характер его» [17, с. 72]. Так, А. Т. Хроленко на материале лирической песни убедительно показал, что слово «белый» в народных произведениях не только обозначение цвета, но и универсальный знак положительного. Эмоциональноэкспрессивно окрашено в песне и слово «новый», оно также всегда употребляется со знаком «+»: новый терем, новые ворота, новые сени, новые сани, новая скрипочка, новая хата... Приведем пример:

Што ходил, гулял молодец, детинушка, парень молодой,

Што на том на детинушке халат **но- вый, новый** голубой...

Што завидела девушка со своего высокого терема:

- Што ходи, ходи, паренечек, пойди заночуй ко мне!
- Што боюсь, боюсь, девица, што всю ноченьку просплю...

(К.-Як., ІІ, № 186)

Слово «новый» в фольклорных текстах часто теряет свою способность образовывать антонимическую пару со словом «старый», поскольку в его структуре преобладающим является не номинативный компонент семантики, а оценочный.

Резюмируя сказанное о специфике семантики фольклорного слова, можно констатировать, что фольклорное слово состоит из видимой (текстовой) и невидимой (затекстовой) частей, а фольклорная семема имеет иерархическую структуру и включает в себя следующие типы сем:

- гиперсема, выражающая общетематическое значение;
- денотативная сема, выражающая прямое (общеязыковое) значение;
- коннотативные семы, выражающие «приращение смысла», т. е. дополнительные содержательные и стилистические значения, в

том числе и оценочные: «текстовые» и «затекстовые» (традиционные: символические, культурные, семиотические).

Перечисленные виды сем в составе фольклорной семемы не изолированы, их трудно, а иногда практически невозможно выделить «в чистом виде», они взаимно проникают друг в друга, что приводит к диффузии семантики слова в фольклорном тексте, которая, с одной стороны, делает семантический объем фольклорного слова насыщенным, а с другой стороны, приводит к известной неопределенности его значения [1].

Кроме того, фольклорное слово обладает отчетливо выраженным «блоковым» характером, в нем заранее уже заданы определенные свойства, которые будут реализованы в тексте: в фольклоре «предшествующий эле-

мент в какой-то мере программирует последующий» [5].

Специфика семантики фольклорного слова обусловливает его многоаспектность, которая проявляется в определенных свойствах: предельная обобщенность семантики, ассоциативность, парадигматичность, семантическая диффузность, идиоматичность, вокативность (способность актуализировать традиционные смыслы), изофункциональность («синонимичность» другим знакам культуры).

Перечисленные свойства фольклорного слова являются градуированными, т. е. могут быть характерны для определенной лексемы в большей или меньшей степени, что обусловлено жанром фольклорного произведения и соответствующими фольклорными авантекстовыми элементами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Бобунова М. А.* Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2004. 240 с.
- 2. *Венгранович М. А.* Экстралингвистическая обусловленность лингвостилевой специфики фольклорного текста. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. 197 с.
  - 3. *Лазутин С. Г.* Поэтика русского фольклора. М., 1989. 223 с.
  - 4. Неклюдов С. Ю. Авантекст в фольклорной традиции // Живая старина. № 4. 2001. С. 2–4.
- 5. *Неклюдов С. Ю.* Чудо в былине // Уч. записки Тарт. гос. ун-та. Труды по знаковым системам. IV. Тарту, 1969; Вып. 326. С. 146–158.
  - 6. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М: Наука, 1993. 385 с.
- 7. *Никитина С. Е.* Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании: дис. в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1999. 54 с.
- 8. Никитина С. Е., Кукушкина Е. Д. Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах (опыт тезаурусного описания). М.: ИЯз РАН, 2000. 216 с.
- 9. Оссовецкий И. А. Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора // Очерки по стилистике художественной речи. М.: Наука, 1979. С. 199–252.
- 10. *Пропп В*. Русская сказка (Собрание трудов В. Я. Проппа). Научная редакция, комментарии Ю. С. Рассказова. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.
- 11. *Путилов Б. Н.* Проблемы изучения песенно-музыкального фольклора Берега Маклая // Советская этнография. 1976. № 2.
- 12. *Путилов Б. Н.* Современная фольклористика и проблемы текстологии // Русская литература. 1963. № 4.
- 13. Cepдюк M. A. Художественные функции категории лица в народной лирике. Борисоглебск: ГОУ ВПО «БГПИ», 2003. 127 с.
  - 14. Толстая С. М. Язык и культура и язык культуры // Живая старина. 2004. № 1. С. 4–7.
- 15. *Толстой Н. И.* Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание. IV Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968. С. 339–365.
- 16. *Топоров В. Н.* Предыстория литературы у славян. Опыт реконструкции: Введение в курс истории славянских литератур. М.: РГГУ, 1998. 318 с.

Хроленко А. Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. 137 с.
 Червинский П. П. Семантический язык фольклорной традиции. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1989. 224 с.